

— Стоит лишь немного подумать, и всё становится ясно. Раньше ты никогда не интересовалась медицинской литературой, уж тем более столь узкоспециализированной. — Вообще-то, Цзян Жань и книги-то редко в руки брала, так что Цяо Юй впервые видела её в библиотеке.

Цзян Жань опустила голову. Она и сама понимала: возможно, это бессмысленно. Будь иначе, Ци Лянь не была бы столь пессимистична.

— Ты больше не веришь мне, Жаньжань?

Цзян Жань промолчала, но и не ушла. Цяо Юй поняла: та, возможно, всё же хочет её слушать. Но теперь её удерживали уже не прошлые чувства, а всё, что было связано с Ци Лянь.

И тут в сердце Цяо Юй поднялась внезапная, едкая злоба. Острые слова сорвались сами:

— Твоя супруга имеет доступ к лучшим медицинским ресурсам всей галактики. Неужели ты думаешь, что то, что не под силу светилам медицины, можно отыскать в этих книжонках?

Слова вонзились, как нож, заставив Цзян Жань истекать кровью внутри. Она знала: Цяо Юй права. Но не могла остановиться. Всё надеялась — а вдруг есть способ?

А вдруг?

Даже если способа нет, надежда жила. Она никак не могла отделаться от мысли: пусть уровень ментальной силы Ци Лянь чрезвычайно высок, но раз болезнь та же, что и у других, почему же её нельзя исцелить теми же методами?

Она вряд ли осознавала, как выглядит сейчас: словно зверёк в клетке, который, видя решётку со всех сторон, всё же мечется, ища лазейку, щель, любую возможность вырваться.

Именно этого так не хватало прежней Цзян Жань.

Цяо Юй мгновенно пожалела о сказанном, но выдавила лишь:

— Ты изменилась.

В такой момент, будь она умнее, стоило бы утешить Цзян Жань — если, конечно, она хочет что-то вернуть.

Но это было бы слишком низко. Цяо Юй отрезвела. Разум не позволял ей так поступать.

— После замужества люди взрослеют. Я понимаю, о чём ты. Доверим это врачам. Я читаю эти книги не для чего-то иного. Просто хочу лучше понять свою жену.

Цзян Жань уже уловила: бывшая подруга, кажется, не совсем свободна от прошлых чувств. И, нащупав эту слабость, она повернула против неё же её собственный нож.

Как и ожидалось, лицо Цяо Юй исказила гримаса боли.

— Жаньжань... ты всё ещё ненавидишь меня?

— Не выдумывай. Если бы я цеплялась за воспоминания о бывших, это было бы несправедливо по отношению к моей нынешней жене.

Цзян Жань говорила начистоту, не оставляя ни намёка, ни пространства для домыслов. У неё

не было привычки играть с чужими чувствами. Кто-то другой, возможно, наслаждался бы болью и раскаянием бывшей, но не она. Да и она уже не была той Цзян Жань, что когда-то встречалась с Цяо Юй. Та девушка теперь казалась ей просто незнакомкой из прошлого.

Более того, нося клеймо «бывшей», Цяо Юй была для неё дальше, чем обычная однокурсница.

Она и не собиралась давать ей ложных надежд. Остановилась же лишь в ожидании дельного совета. Но слова Цяо Юй стали отрезвляющим ударом: если величайшие умы медицины бессильны, что может предложить неоперившаяся студентка?

Осознав это, Цяо Юй окончательно превратилась для неё в скучного, бессмысленного незнакомца.

— Дорогу.

Увидев, что та всё ещё застыла с глупо-томным выражением, Цзян Жань испытала лёгкое отвращение. Она отлично помнила: инициатором разрыва была Цяо Юй. Они разошлись чисто, без последствий. Почему же теперь, когда она замужем, та вдруг полезла обратно?

Цзян Жань презирала таких людей. С трудом отпихнув Цяо Юй, она двинулась к выходу, прижимая книги. Та могла бы и не уступать — у Цзян Жань не хватило бы сил противостоять. Но, встретив её холодный, брезгливый взгляд, Цяо Юй всё же отшатнулась.

Пока Цзян Жань разбиралась с Цяо Юй, Ци Лянь плавала.

Она всегда вела размеренный, здоровый образ жизни и, кроме нелюбви к физкультуре, не имела дурных привычек. После переезда в квартиру Цзян Жань она даже плавать стала реже, но недавно поползшая вверх стрелка весов заставила вернуться к привычке.

Если не двигаться, рискуешь превратиться в поросёнка. Шутки шутками, но саму перспективу Ци Лянь представить боялась.

Даже ослепнув, её высочество оставалась чрезвычайно щепетильна в вопросах внешности.

Проплыв несколько бассейнов и как следует разогревшись, она ощутила вибрацию фотонного компьютера — звонок от Цзян Жань. Ци Лянь прильнула к бортику и ответила.

— Ты не дома? Снова какое-то мероприятие?

Ци Лянь могла казаться праздною, но на деле часто отлучалась по делам. Однако, распробовав кулинарию Цзян Жань, она стала избегать трапез вне дома, всякий раз стараясь вернуться вовремя — если, конечно, не было неотложного банкета или приёма.

— Я в поместье. Давно не двигалась, решила размять кости.

На самом деле вернулась, чтобы поддерживать форму.

С того конца провода донёсся весёлый голос:

— Ты? Спорт? Выглядишь такой хрупкой, да и дома ведёшь себя тише воды...

— Иногда плаваю, — уклончиво пробормотала Ци Лянь.

Цзян Жань невольно представила, как та рассекает воду... Стоп, лучше не думать.

В отсутствие Ци Лянь квартира казалась пустынной. Цзян Жань, в одиночестве поужинав, постояла с книгой у окна, а затем решила позвонить «папе» на пограничную звезду.

Они не прерывали связи. Не так давно, во время свадьбы, отец, Цзян Чань, даже наведался на столичную планету — впервые со дня своей «ссылки». Задержался ненадолго и на следующий же день после церемонии умчался обратно.

Цзян Чань вёл на пограничной звезде дела, связанные с добычей руды, и был человеком занятым. Его стремительный отъезд даже облегчил Цзян Жань — ведь он был самым близким для оригинала человеком, и она опасалась, как бы не выдать себя.

К свадьбе отец подарил ей немало имущества и привёз с пограничной звезды уйму подарков — всё как полагается при выдаче дочери замуж. Но Цзян Жань не стала вникать в детали. Она уже заняла чужую жизнь и не могла со спокойной совестью пользоваться благами. В быту старалась обходиться малым, хотя после вселения Ци Лянь расходы на еду заметно выросли.

Оригинал не отличался бережливостью, и его сбережения таяли на глазах. Не тронь она «приданое», жить бы пришлось впроголодь. Она так гордо отказалась от перевода от Ци Лянь, держалась молодцом... а на деле была уже на мели.

Связь установилась, и на экране возникла картина ледяной пустоши.

Даже на одной планете времена года разнятся, что уж говорить о пограничной звезде, затерянной в световых годах от столицы. У Цзян Жань стояло лето, а там, где находился отец, царил зима. Она уже беседовала с ним пару раз и была готова к суровым видам, но каждый раз не могла сдержать восхищения.

Было невероятно красиво.

Красота иная, нежели летняя. Лёд и снег окутывали землю, а на небе облака казались продолжением снежных полей. На фоне пронзительной синевы неба сверкали бескрайние хрустальные просторы. Это был карьер. Местность неровная, но снег скрыл все шероховатости, создав иллюзию безупречности. Из-за метелей работы уже прекратились, и лишь одинокие вагонетки застыли в снегах, припорошённые белым, — крошечные точки, подчёркивающие величие пейзажа.

— Пап, ты опять на карьере? Дома мало прохлады? — сказала она, слегка передразнивая манеры оригинала, но и с искренней ноткой заботы.

Заняв тело, она унаследовала не только его проблемы, но и обязанности. А значит, и Цзян Чань отныне был её заботой.

<http://bllate.org/book/15936/1424544>